

Посвящается памяти Чехова.

РАМПА

и ЖИЗНЬ

№ 26.

VI г. изд.

А. П. Чеховъ.

Къ десятилѣтію со дня кончины.
(1904 — 2 іюля — 1914 г.)

Щѣна отд. № 15 коп.

Воскресенье, 29-го іюня,
1914 года.

Въ Баденвейлеръ.

12-го іюля 1908 г.

12 іюля 1908 г. день памятный для небольшой группы русскихъ, обитателей курорта Баденвейлера (въ южномъ Баденѣ.)

Съ утра въ паркъ потянулась немногочисленная русская колонія Баденвейлера. Ожидали прибытія депутацій, но изъ близкихъ къ А. П.—были лишь О. Л. Книпперъ-Чехова и К. С. Станиславскій, а изъ литераторовъ П. Д. Боборыкинъ и Веселовскій.

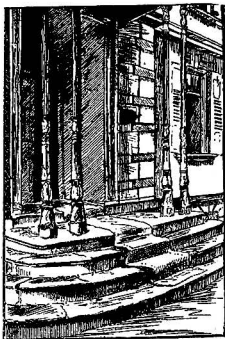
Памятникъ былъ поставленъ на мѣсто лишь наканунѣ открытія; никто еще не видѣлъ его, и, когда мы поднялись на холмъ, передъ нами предстали бронзовый бюстъ, живые цвѣты и нѣсколько вѣнковъ.

Межъ деревьевъ и на помостъ размѣстились курортные русскіе, нѣмцы, небольшая группа пріѣзжихъ и вся труппа мѣстнаго театра in costume.

Архимандритъ русской церкви (въ Карлсруэ) отслужилъ панихиду, и пѣніе „вѣчной памяти“ вызвало вновь воспоминаніе о дняхъ, когда Россія хоронила одного изъ самыхъ близкихъ ей людей.

Министръ-резидентъ при Баденскомъ дворѣ, передавая памятникъ курортному управленію, указалъ на тѣ общече-

Баденвейлеръ.

Вилла „Friderika“, въ которой передъ кончиной жилъ А. П. Чеховъ.

Памятникъ Чехову въ Баденвейлерѣ.

ловѣческія черты творчества Чехова, которыя дѣлають его понятнымъ и дорогимъ не только для русскихъ, но и для нѣмцевъ и для всего человѣчества. Представитель курортнаго управленія, принимая въ его вѣдѣніе памятникъ, далъ торжественное обѣщаніе хранить его и заботиться о немъ, при чемъ представитель курорта отмѣтилъ теплое отношеніе которое создалось у баденвейлерцевъ къ Антону Павловичу за тѣ немногіе дни, что онъ были среди нихъ.

П. А. Боборыкинъ и Веселовскій въ краткихъ рѣчахъ охарактеризировали А. П. какъ писателя и человѣка.

Вотъ приблизился къ памятнику К. С. Станиславскій и возложилъ большой вѣнокъ отъ лица „Художественнаго театра“.

К. С. былъ кратокъ. Онъ сказалъ лишь нѣсколько словъ, но на мгновеніе показалось, будто услышали мы его бесѣду съ Антономъ Павловичемъ.

— Какъ сейчасъ помню милый голосъ Антона Павловича: у насъ, русскихъ, все не такъ дѣлается, какъ намъ того хочется!—началъ К. С.

И рядомъ сравненій онъ показалъ, какъ трагически сложилась жизнь А. П.: любилъ онъ русскую степь, любилъ Москву, широкую и безалаберную, а послѣдніе годы былъ прикованъ къ окну своей ялтинской дачи, изъ которой виднѣлась безконечная, часто сѣро-свинцовая даль моря.

Любилъ Чеховъ красивыхъ, здоровыхъ людей, а самъ почти всю жизнь былъ прикованъ къ стеклянкѣ съ лѣкарствами.

Любилъ онъ Россію, любилъ ее горячо и сильно, какъ только могла любить его тонкая и глубокая душа, а послѣдній вздохъ свой испустилъ на чужбинѣ.

И передъ глазами всталъ образъ А. П. Чехова, засвѣтилось лицо доброй, немного застѣнчивой и грустной улыбкой...

Тихо расходилась толпа подъ впечатлѣніемъ рѣчи К. С. Станиславскаго.

Небольшими группами бродили вокругъ памятника, и чувствовалось, что не хочется уходить, разставаться съ А. П.

Въ приподнятомъ настроеніи ушли мы изъ парка, чтобы вновь вернуться вечеромъ, но уже въ театръ, гдѣ мѣстная труппа поставила на нѣмецкомъ языкѣ „Медвѣдя“ Чехова. Всѣ пріѣзжіе гости, съ О. Л. Книпперъ-Чеховой и К. С. Станиславскимъ во главѣ были на спектаклѣ.

Артисты приложили всѣ старанія и, хотя много курьезовъ было въ постановкѣ пьесы, но все искупало очевидное желаніе понять автора.

И это было трогательно, такъ какъ свидѣтельствовало о ихъ желаніи внести и свою долю въ торжество открытія памятника Чехову.